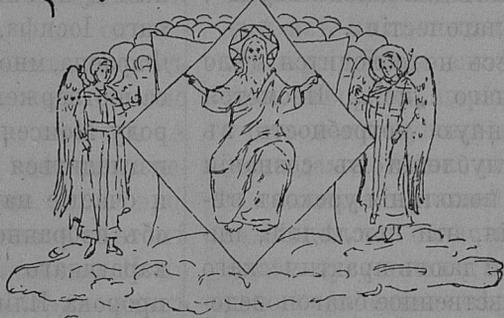

БОЖІА ПИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМЪ ДА СЪБЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМНѢИ
НЕВРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НБСѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкій Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ЖИЗНЬ ПО ВѢРѢ, КАКЪ ЦѢЛЬ ВОСПИТАНІА.

(Къ вопросу о жизненности преподаванія въ школѣ уроковъ вѣры и нравственности).

Среди современныхъ заботъ и усилій педагоговъ придать жизненно-практической характеръ преподаваемымъ въ школѣ наукамъ слышатся иногда и голоса простыхъ добрыхъ трудниковъ народныхъ школъ, призывающихъ собратьевъ по труду, и особенно пастырей Церкви, къ оживленію уроковъ Закона Божія, къ проведенію въ жизнь началъ вѣры и

нравственности. Желанный, давно желанный призывъ! И нельзя не порадоваться тому, что поборники вѣры и нравственности признали необходимость и важность внѣдренія въ сознаніе человѣчества священныхъ образовъ и православно-христіанскихъ истинъ вѣры и нравственности, потому что только такимъ путемъ можно возгнать „свѣчникъ на свѣчницѣ“, только

посредствомъ этого можно показать всю духовную мощь православно-русской школы, сильной, какъ и всякая школа, не только уроками ариѳметики и географіи, за которыми давно уже установилась завидная и заманчивая репутація „пригодныхъ для жизни наукъ“, но и уроками благочестія...

Однако и здѣсь не обходится дѣло безъ прискорбнаго „но“... Несмотря на ясно сознаванную потребность въ оживленіи и углубленіи въ сознаніи подрастающаго поколѣнія уроковъ вѣры и благочестія, эти послѣдніе, питая умъ, часто не даютъ практическаго указанія на нравственное благоповеденіе человѣка, обогащая знаніе, не окрыляютъ чувства святыми порывами.. Объ этомъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, ежегодно появляющіяся и смѣняющія другъ друга руководства и пособія для изученія Закона Божія, каковыя естественно разсматривать какъ наиболѣе зрѣлый и совершенный плодъ законоучительскихъ опытовъ. Отличаясь тою или другою степенью общедоступности и яркости въ изображеніи и передачѣ библейскихъ событій, всѣ эти руководства и пособія разрѣшаются часто одною потугою снабдить ихъ вопросами или обобщенными выводами, рассчитанными лишь на то, чтобы будить дѣятельность ума, но не усвоющую работу воли и сердца... А вѣдь православно-хрістіанская религія, затрогивающая всѣ вопросы нашего личнаго бытія, опредѣляющая каждый шагъ нравственнаго благоповеденія человѣка, даетъ въ образахъ библейскихъ лицъ и въ подробностяхъ православно-хрістіанскаго вѣроученія самое картинное міросозерцаніе, самую выразительную галерею духовныхъ богатырей, разрѣшавшихъ въ своей жизни и дѣятельности самые сложные вопросы жизни... Съ этой точки зрѣ-

нія, съ какою бы пластичностью должны вырисовываться, на примѣръ, благородные поступки въ отношеніи къ отцу Сима и Гафета, беззавѣтная вѣра Авраама, сыновняя покорность Исаака, многотрудная жизнь Іакова, прекрасныя душевныя качества цѣломудреннаго Іосифа, гордость самовластнаго Фараона, многострадальная жизнь Іова, самоотверженное служеніе своему народу Моисея, служеніе до готовности изгладиться изъ книги жизни за благо и счастье народа, отеческое попеченіе объ избранномъ народѣ милующаго и карающаго Бога, ревность по Богѣ пророка Іліи и другихъ служителей Божіихъ, смиреніе Богоматери—рабы Господней, любовь къ человѣчеству Божественнаго Учителя, пившаго за любовь чашу страданія и т. п... Вѣдь съ какою бы неотразимою силою должны были сближаться всѣ эти образы съ религіозно-нравственною жизнію каждаго хрістіанина, съ какимъ бы благоговѣйнымъ трепетомъ сердца должны были улегаться они въ юномъ сознаніи.. А что сказать о тѣхъ яркихъ картинахъ, которыя должны бы рисоваться еще на школьной скамьѣ вѣрующему, еще непоколебленному, нерастлѣнному сознанію, при мысли о непрестанной борьбѣ съ врагомъ человѣческаго рода, всюду строящимъ свои козни, о страшномъ судѣ, о загробной участи, о райскомъ блаженствѣ и адскихъ мукахъ?!... Сколько здѣсь яркихъ штриховъ, которые даже въ своихъ незначительныхъ деталяхъ служили сюжетами для величайшихъ художественныхъ произведеній, обезсмертившихъ имена Микель-Анжело, Рафаэля, Веронеза, Данте, нашего Васнецова и др. И тѣмъ не менѣе, какъ все это часто бываетъ далеко отъ сознанія учащагося юношества, какъ непонятна имъ свя-

щенная прелесть церковно-библейскихъ образовъ...

И какъ-то невольно останавливаешь-ся надъ этими недочетами нашего школьнаго дѣланія, особенно когда слышишь, какъ пользуются ими враги Православія—различные сектанты и иновѣрцы, не упускающіе ни одного удобнаго случая, гдѣ можно ловить рыбу въ мутной водѣ и гдѣ удобно для нихъ засѣвать свои плевелы. А это всегда бываетъ тамъ, гдѣ почва недостаточно приспособлена для произрастанія доброй, озаренной свѣтомъ евангельской правды, пшеницы. И это не фразы. Въ прошломъ году одинъ изъ истинныхъ тружениковъ на нивѣ людскихъ сердецъ православно-русскій пастырь съ грустью отмѣтилъ фактъ отпаденія въ магометанство и, увы, не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыхъ семей чувашъ с. Баткака, Мензелинскаго уѣзда ¹⁾. Все, все здѣсь—и костюмы, и языкъ, и обычаи, и обряды, даже и національное сознание чувашъ поглощено татаризмомъ, несмотря на то, что налицо имѣются всѣ данныя въ пользу тяготѣнія ихъ скорѣе къ русскимъ, нежели къ татарамъ, потому что эти омасульманившіеся чуваша живутъ въ постоянномъ сосѣдствѣ съ русскими и въ теченіе круглаго года ходятъ на заработки въ православно-русскія господскія имѣнія.

Отчего же происходитъ все это? Очевидно, что причина этого печальнаго явленія заключается не во внѣшнихъ условіяхъ жизни чувашъ, а въ жизненности религіозныхъ воззрѣній и убѣжденій соприкасающихся съ ними масульманъ,—въ томъ, что эти воззрѣнія и убѣжденія глубоко залегли въ общенародное сознание татаръ, а

не однихъ только ихъ представителей, которые, разумѣется, какъ и тучки, хотя бы и очень обильныя влагою, не всегда и не вездѣ могутъ излить ее. А у магометанъ дѣйствительно такъ и обстоитъ дѣло. Попробуй заговорить съ ними на религіозную тему, и каждый изъ нихъ поддержитъ легкую полемику. „Такъ сказано въ коранѣ, такъ говоритъ шаріатъ (уставъ), такъ учатъ насъ муллы“—приходится слышать даже отъ печниковъ, плотниковъ и мелкихъ торгашей-татаръ. И нужно замѣтить, что область религіознаго вѣдѣнія мусульманъ касается не только ихъ сокровеннаго вѣрованія, но и обыденной жизни, что и даетъ ихъ религіознымъ воззрѣніямъ особую жизненность. Не даромъ магометане хвалятся богатствомъ содержанія корана, который, по ихъ заявленію, не обходитъ молчаніемъ ни одного случая жизни. И что бы магометанинъ ни дѣлалъ, на что бы ни смотрѣлъ—его всюду преслѣдуютъ правила шаріата. Понятно, поэтому, что при такомъ всеобщемъ знакомствѣ магометанъ съ ученіемъ своей вѣры и при постоянномъ столкновеніи въ жизни съ правилами ихъ нравственнаго благоповеденія магометанскія религіозныя воззрѣнія такъ быстро проникаютъ и въ сознание соприкасающихся съ ними инородцевъ.

И весь этотъ, поучительный и для православно-русскихъ людей, навѣкъ магометанъ жить и въ своей частной жизни по началамъ вѣры пріобрѣтается благодаря тому, что у нихъ обученіе въ школахъ, гдѣ, обычно, имѣется въ виду не столько грамота, сколько возможно полное усвоеніе религіозныхъ истинъ, всегда разсматривается какъ дѣло, угодное Богу. Здѣсь всѣ правила школьной дисциплины и всѣ требованія просвѣтительнаго дѣла исполняются всегда точно и ак-

¹⁾ Уфимскія Епарх. Вѣд. 1905 г. № 1, Январь, стр. 26 и далѣе.

куратно во имя магического слова „сауаб“, что значитъ добродѣтель, богоугодное дѣло. У магометанъ „въ школу ходить—„сауаб“, книги покупать—„сауаб“, съ книгами обращаться—„сауаб“, уроки учить—„сауаб“ и, наконецъ, держать назидательныя книги въ домахъ—„сауаб“²⁾“... И насколько достигаетъ у нихъ цѣли внушеніе дѣтскому сердцу мысли о святости религіознаго обученія—это видно изъ того, что „въ любомъ магометанскомъ домѣ видишь полку съ цѣлой кучей книгъ; начнешь рыться въ нихъ, обязательно найдешь въ числѣ ихъ первую азбуку самого хозяина и вспомнишь, что „съ книгами обращаться бережно—сауаб“. Много случаевъ, что книги въ дому есть, а грамотныхъ нѣтъ. Спросишь — для чего книги? Услышишь въ отвѣтъ—„сауаб держать ихъ въ дому“. Во имя того же „сауаб“ канунъ каждой пятницы посвящается у нихъ чтенію книгъ и слушанію чтенія. Вотъ какъ проникнуты они сознаниемъ долга изучать свою вѣру, вотъ почему и знаютъ послѣднюю. А знаніе, принятое, какъ нѣкое сокровище, съ любовью, не лежитъ долго въ душѣ, а при первомъ удобномъ случаѣ сообщается и людямъ. Такъ вотъ въ чемъ сила и неотразимость магометанства среди младенчествующихъ инородцевъ-язычниковъ: они дѣлаютъ свое дѣло легко, дешево, исподволь. „Нѣтъ у нихъ официальныхъ миссіонеровъ нѣтъ у нихъ и обширныхъ руководствъ по миссіонерскому дѣлу; но есть у нихъ одна великая сила, это — народная масса, прошедшая школу, считающая общимъ и священнымъ долгомъ дѣло распространенія вѣры; этой-то силѣ и обязано магометанство быстрымъ и

успѣшнымъ привлеченіемъ къ себѣ другихъ мелкихъ инородцевъ“³⁾.

И посмотрите, какъ у тѣхъ же магометанъ проповѣдуются ихъ идеи. Вы не увидите, конечно, ихъ въ роли специальныхъ проповѣдниковъ, но зато у нихъ часто съ неотразимой, для простаго ума, убѣдительностію проповѣдуетъ сама жизнь. Являясь иногда мелочными, до смѣшного, исполнителями предписаній шаріата, они, тѣмъ не менѣе, всегда исполняютъ ихъ съ завиднымъ убѣжденіемъ въ важности этихъ предписаній и съ яснымъ сознаниемъ ихъ смысла и значенія, а послѣдняго-то, замѣтимъ, часто и не достааетъ православно-русскимъ людямъ, не умѣющимъ дать отвѣтъ вопрошающимъ ихъ „о ученіи“... Вотъ, для иллюстраціи, любопытная бесѣда татарина Карима... Приглашенный отобѣдать Бачилеемъ (Василіемъ), къ которому онъ пришелъ съ товаромъ, Каримъ начинаетъ съ исполненія правилъ шаріата: онъ умываетъ свои руки... Домохозяинъ смотритъ на него и думаетъ: „ишь ты какой, точно женихъ къ невѣстѣ собирается“...

— Что долго возишься, али стараешься, чтобы жена больше любила?—подшучиваетъ надъ Каримомъ домохозяинъ Василій Ивановичъ. Но Каримъ невозмутимо, дѣловито спокоенъ.

— Нельзя, Бачилей, не исполнить требованія шаріата... Слѣдуетъ три раза окачнуть руки, да по три раза выполоснуть во рту и въ носу,—отвѣчаетъ Каримъ.

И вотъ начинается убѣжденная бесѣда Карима съ Василіемъ Ивановичемъ, надъ кторою невольно задумывается послѣдній...

— „Это у русскихъ,—продолжаетъ Каримъ,—только не требуется ничего:

2) Тамъ же.

3) Тамъ же.

если найдутъ нужнымъ, подойдутъ къ рукомойнику, обмочатъ кончики пальцевъ каплей воды и размажутъ по ладонямъ! А не то и вовсе не пойдутъ, — садятся за столъ съ грязными руками! Этакъ развѣ можно! А у насъ по шаріятѣ, не умывши рукъ, нельзя за пищу хвататься, иначе пища будетъ „харамъ“ (недозволенное). Ну-съ, дай-коли пообѣдаемъ... Впрочемъ, слушай-ка: вѣдь мясной у васъ обѣдъ, да?—вдругъ спохватился онъ.

— Да, мясной.

— И мясо своего рѣзанія?

— Да, самъ рѣзалъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ его нельзя ѣсть.

— Почему это?

— Мы ѣдимъ только мясо мусульманскаго рѣзанія.

— Почему же это? значить, нашимъ рѣзаніемъ брезгаете?

— Не въ томъ дѣло... По шаріятѣ животныя должны рѣзаться только людьми обрѣзанными (суннятле) да знающими правила рѣзанія.

— Какія такія правила?

— Ты развѣ тоже не знаешь еще? Какъ-же ты рѣжешь, напримѣръ?

— Какъ... уложишь да и ножемъ!—сказалъ Василій.

— И больше ничего не знаешь?

— Что еще нужно знать?.. потрошить потомъ надо!

— Нѣтъ, Бачилей, не въ томъ дѣло... Я бы рассказалъ тебѣ все подробно, но долго будетъ, идти надо...

— Постой, постой: мы тебѣ самоваръ поставимъ.

— Въ такомъ случаѣ хорошо, поговоримъ. Ты говоришь, Бачилей: уложилъ да и ножемъ и дѣло готово? Нѣтъ этого мало. Послушай, я тебѣ сообщу всѣ правила рѣзанія, предписываемыя нашимъ шаріятомъ“...

И Каримъ начинаетъ излагать да-

лѣе правила рѣзанія животнаго съ молитвой „Бисмаилла Алаакбяр“— во имя Божіе, въ которыхъ слышится косвенное, но правдивое осужденіе жестокосердія въ обращеніи съ животными русскихъ рѣзаковъ. А къ этимъ правиламъ Каримъ, знакомый съ приемами рѣзанія русскими, присоединяетъ, по обычаю магометанъ, и прямое осужденіе русскихъ рѣзаковъ.

— Охъ, какой невѣжій народъ эти русскіе! У нихъ нѣтъ никакихъ правилъ для рѣзанія животныхъ! Повѣришь-ли, Бачилей, разъ въ деревнѣ я былъ свидѣтелемъ такого рѣзанія быка: быкъ привязанъ къ столбу; подходитъ къ нему рѣзакъ съ колотушкой и ножемъ; отложивъ ножъ въ сторону, вдругъ онъ размахивается колотушкой и—о, ужасъ!—изо всей силы ударяетъ быка въ лобъ! я такъ и обмеръ. „Петруха, говорю, зачѣмъ скотину такъ мучаешь?“—я думалъ, что онъ такъ его бьетъ. Быкъ началъ пошатываться, готовый упасть на землю. Въ эту минуту рѣзакъ беретъ ножъ и перерѣзаетъ ему горло. Тогда только догадался я, что онъ его рѣжетъ! Вотъ, Бачилей, какіе невѣжды есть на свѣтѣ!—заклучилъ онъ.

— Неужели это правда, Каримъ?—недовѣрчиво спрашиваетъ Василій.

— Старъ ужъ сталъ я—лгать-то. На мой вопросъ: что ты, дуракъ, какъ рѣжешь?—онъ еще отвѣтилъ, что-де такъ возни меньше, кромѣ того и кровь де вытекаетъ не вся, застаивается, и мясо-де бываетъ повкуснѣе. Если мнѣ не вѣришь, то спрашивай и другихъ: можетъ-быть кто-нибудь подтвердитъ. Напримѣръ, слышалъ я и отъ людей такой рассказъ: рѣжетъ русскій барана, но какъ? стоя верхомъ на немъ! Если бы дѣло было ночью, то можно бы подумать—колдунъ или вѣдьма! Лѣвой рукой,

говорить, держитъ барана за рогъ, а правой перерѣзаетъ ему горло, и чѣмъ?.. Старой косой! Да и коса-то видно, тупая: блеяль—блеяль, мучился—мучился баранъ... тѣфу, безжалостныя невѣжды!.. Просто плакать хочется,—такъ жалко бѣдную скотинку! Вотъ почему еще мы, мусульмане, не ѣдимъ мяса русскаго рѣзанія: они мучаютъ скотину!

— Какъ, думаю, трудно тебѣ, Каримъ, терпѣть безъ мясного, потому что ты все время почти торгуешь среди чувашъ да русскихъ,—испытываетъ его Василій.

— Нѣтъ, Бачилей, и между чувашами есть „образованные“ люди, которые приглашаютъ рѣзать мусульманъ. И на самомъ дѣлѣ, ведя дружбу и хлѣбосольство, какъ не позаботиться угостить пріятеля? Къ слову говоря, какъ бы было хорошо, если бы это мясо у тебя было мусульманскаго рѣзанія! Захотѣлъ угостить, но-нельзя! Хороши въ этомъ отношеніи чувашис. Б! Тамъ ни одного чувашина не найдешь, который бы крупную скотину рѣзалъ самъ: всѣ приглашаютъ мусульманъ. Даже, мало того, тамъ, думаю нѣтъ и такого чувашина, который бы не рѣзалъ „Корванъ“.

— А это что значитъ?

И Каримъ радъ случаю, чтобы и еще повѣдать словоохотливому Бачилею о своемъ Корванѣ.

— А это вотъ что; у насъ одинъ мѣсяць называется „Корван-Айы“ т.е. мѣсяць жертвоприношеній. Въ теченіи этого мѣсяца слѣдуетъ рѣзать животныхъ въ жертву. Можно рѣзать

только рогатую скотину, а это вотъ для чего: въ Коранѣ говорится, что по смерти каждый человѣкъ долженъ бываетъ переходить черезъ мостъ „Сирать“, который, какъ сказано, „тоньше волоска и вострѣе меча“. Подъ мостомъ находится адъ, пламя котораго опалаетъ переходящаго. А вотъ изволь-ка итти по такому мосту, сохраняя равновѣсіе! Вѣдь упадешь, непременно упадешь?

— Какъ не упасть, по бревну итти и то трудно,—замѣчаетъ Василій.

— Какъ быть? А итти надо: сзади черти гонятъ человѣка раскаленными до-красна желѣзными дубинами. Незная иного выхода, человѣкъ съ замираніемъ сердца начинаетъ итти по „Сирату“ и, конечно, тутъ же начинаетъ пошатываться, готовый упасть въ бездну. Но вдругъ, откуда ни возмись, баранъ иль корова! Подхватываютъ человѣка на голову, человѣкъ хватается за рога и—счастливо переходитъ по Сирату къ раю. Вотъ для чего нужно рѣзать Корванъ и непременно рогатую скотину!.. Эхъ, Бачилей! какъ подумаешь—не стоитъ быть скупымъ, а надо, непременно надо приносить жертвы,—вѣдь всѣ умремъ, и всѣмъ придется переходить черезъ „Сирать“! А какую важную услугу окажутъ тогда эти невинныя животинки!

— Да, слѣдуетъ всѣмъ позаботиться о загробной жизни... „Ля илага илалла Мохаммад рязульупла-ги!“.. пробормоталъ онъ въ заключеніе краткую магметанскую молитву, въ родѣ нашей... „о, Господи, помилуй!“..

Димитрій Введенскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКІЕ КЛАССИКИ, КАКЪ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛЪ ДЛѢ ШКОЛЬНАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІА.

Дорождомъ пришлось мнѣ побывать въ г. N—Ѣ. Здѣсь существуетъ двухклассное училище, двѣ-три начальныхъ школы; въ средѣ мѣщанъ встрѣчается не мало грамотныхъ... Зашелъ въ училище и разговорился съ учителями. Жалуются на недостатокъ книгъ для чтенія и на множество стѣсненій, коими обставлено внѣклассное чтеніе народомъ книгъ и періодическихъ изданій...

Спрашиваю: не замѣчается ли въ средѣ читателей изъ народа какихъ-либо особыхъ взглядовъ и запросовъ по отношенію къ книгѣ вообще?

— Какъ-бы вамъ сказать?—отвѣчаетъ одинъ изъ почтенныхъ коллегъ, немного подумавъ.—Читается обыкновенно все наиболѣе интересное... хотя и это трудно утверждать... Сначала я интересовался этимъ вопросомъ, и пытался даже руководить чтеніемъ школьниковъ и взрослыхъ мѣщанъ, а теперь какъ-то опустился, и даю, что требуютъ... Молодежь въ большинствѣ требуетъ „книжку посмѣшнѣе и позанимательнѣе“, не прочь увлечься и сказочкой, а взрослые, солидные читатели и старики питаютъ пристрастіе къ религіозной книгѣ... Оно и понятно: приходится сводить счеты съ жизнью, — до сказокъ ли тутъ!.. Впрочемъ, и въ средѣ молодежи подчасъ попадаются любопытныя исключенія, но они въ счетъ не идутъ...

Вопросъ казался исчерпаннымъ, и я поспѣшилъ переимѣнить предметъ бесѣды.

Проходя потомъ по узкимъ и кривымъ улицамъ городка, я случайно наткнулся на новую книжную лавочку. Изъ любопытства зашелъ посмотреть.

Хозяинъ-еврей, изъ сіонистовъ, читаетъ русскихъ классиковъ и мечтаетъ о возрожденіи еврейства. На одной изъ полокъ я нашелъ цѣлую коллекцію „народныхъ“ изданій. Между прочимъ, пестрѣли имена Андреева, Чирикова, Телешова, Скитальца, Серафимовича, Максима Горькаго...

На мой вопросъ: находятся ли здѣсь любители этихъ копеечныхъ рассказиковъ и очерковъ самоновѣйшихъ бытописателей „мутной“ дѣйствительности, еврей—хозяинъ киваетъ отрицательно головой и поясняетъ, что книжки эти, выписанныя въ лавку по инициативѣ мѣстнаго доктора, попечителя общества трезвости, вотъ уже два года лежатъ на полкѣ и только напрасно занимаютъ мѣсто!..

— Неужто здѣсь, при нѣсколькихъ тысячахъ грамотнаго населенія, не нашлось покупателей?—восклицаю я въ изумленіи.

— Какіе здѣсь покупатели!—возражаетъ еврей.—Иногда зайдетъ мужикъ и спроситъ молитвенникъ, псалтирь или Евангеліе... Но этихъ книгъ я не держу: неловко, знаете...

Черезъ нѣсколько дней, сидя въ вагонѣ желѣзной дороги, познакомился я съ отставнымъ гвардейцемъ, возвращавшимся домой изъ Петербурга. Самъ—богатырь, кровь съ молокомъ; лицо — чисто-малорусское, спокойное, умное и мужественное... Невольно залюбовался... Разговорились. Служивый везъ съ собой сундукъ съ вещами... Узнавъ, что я учитель, солдатъ поспѣшно полѣзъ въ свой сундукъ и вытащилъ цѣлый ворохъ „божественныхъ“ книгъ. Тутъ было и св. Евангеліе, и Псалтирь, и „Путь къ бла-

женству“, и „Седмь смертныхъ грѣховъ“, и „Училище благочестія“, и „Крестныя страданія Спасителя“ и много другихъ книжекъ подобнаго же содержанія. Книжки—въ хорошихъ коленкоровыхъ переплетахъ, обтянутыхъ бумагой... Вынимая свои „сокровища“ изъ сундука, солдатъ-землякъ любовно стираль съ нихъ пыль и самъ невольно любовался на каждую книжку, вѣроятно вновь переживая тѣ чистыя и святыя ощущенія, которыя ему приходилось испытывать во время вдумчиваго, благоговѣйнаго чтенія драгоценныхъ книжекъ...

— Много-ли стоятъ?—спрашиваю.

— Не меньше двадцати. Откупилъ у одного земляка. Онъ на войну поѣхаль... Тяжело было бѣднягѣ разставаться съ книжками, да ничего не подѣлаешь: служба, долгъ, родина... Хорошія книжки!—воодушевленно продолжалъ мой случайный знакомецъ.— Все—сочиненіе о. Іоанна Кронштадтскаго. Будетъ чѣмъ потѣшить родныхъ, когда приѣду домой!... То-то радость будетъ!..

Я глядѣлъ на мужественное лицо богатыря-солдата, слушалъ его воодушевленные, искреннія рѣчи, и въ моемъ сознаніи возникали и нарождались любопытныя и поучительныя сопоставленія. Тамъ—тысячамъ грамотеевъ, систематически подготовляемымъ школьнымъ воспитаніемъ къ „свѣтскому“ чтенію, почти задаромъ предлагаются самоповѣйшіе рассказы и очерки нашихъ литературныхъ протестантовъ, обнажающихъ язвы жизни,—и они по годамъ валяются на полкахъ; а здѣсь десятки рублей съ любовной готовностью тратятся на „сочиненія о. Іоанна Кронштадтскаго“, и „божественныя“ книжки, какъ сокровище нѣкое, везутся туда, гдѣ все такъ просто и не затѣйливо, гдѣ ки-

пить святой народный трудъ и немерцающимъ свѣтомъ горитъ дивная красота души народной, гдѣ чуткія къ правдѣ Божіей и къ призыву на небо простыя души благоговѣйно встрѣтятъ чистое, свѣтлое слово о Божьемъ, великомъ, вѣчномъ и прекрасномъ, и глубоко положатъ его въ сердцѣ своемъ... Какая разница во взглядахъ на задачи и требованія жизни, какая пропасть между порывами и стремленіями души и сердца!..

И въ самомъ дѣлѣ: неужто народъ нашъ—младенецъ, готовый безразлично проглотить все, что ни предложить ему услужливые воспитатели, и не слѣдуетъ ли, напротивъ, прислушаться повнимательнѣе къ запросамъ и требованіямъ народа къ книжкѣ и просвѣщенію? Вѣдь и наука требуетъ начинать съ готоваго, строить новое на старомъ, постепенно возводя зданіе просвѣщенія все выше и выше... Тѣмъ болѣе важное значеніе имѣютъ эти вопросы въ наше время, когда народъ на нашихъ же глазахъ приобщается къ книжному знанію, восходитъ на первую ступень такъ называемой цивилизаціи. Слѣдуетъ очень и очень призадуматься надъ тѣмъ, что въ области книжной литературы въ данный моментъ подходитъ для народа и что не подходитъ...

Не задаваясь слишкомъ обширными задачами, я позволю себѣ пока остановиться на сочиненіяхъ русскихъ классиковъ, какъ матеріалъ для школьнаго и народнаго чтенія...

И прежде чѣмъ приступить къ своей цѣли—выясненію пригодности или непригодности нашихъ классическихъ авторовъ для школьнаго и народнаго чтенія, слѣдуетъ напомнить, что литература, всякая литература вообще, возникла, благодаря пробужденію въ лучшей части общества самосознанія

и анализа; а нашъ народъ пока живеть чувствомъ и здоровымъ непосредственнымъ разсудкомъ, въ ихъ первичномъ, глубоко-жизненномъ значеніи. Разница на первый взглядъ какъ будто-бы и небольшая, но тѣмъ не менѣ весьма существенная и далеко не безразличная въ данномъ случаѣ. Вспомнимъ Лермонтова: „богаты мы, едва изъ колыбели, *ошибками* отцовъ и позднимъ ихъ умомъ, и *жизнь* уже насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли, какъ пиръ на праздникѣ чужомъ“... Знанія и вообще широкое просвѣщеніе поселило въ насъ *раздвоение*, парализующее наши силы и пока не замѣчаемое въ народѣ. Народная мысль и душа—*цѣльны* и однородны, а въ этомъ—сила и крѣпость чело-вѣка и народа... Короче сказать: какъ просвѣщать народъ, не внося въ его душу пагубнаго разлада, не утративъ его цѣльности и мощи душевной, не калѣча его умственно? И все ли то хорошо для народа, что только намъ кажется хорошимъ и заслуживающимъ вниманія и поощренія?..

Литература вообще служитъ дѣлу жизни. Отражая въ себѣ жизнь со всѣми ея дурными и хорошими сторонами, она способствуетъ возвышенію жизни надъ уровнемъ пошлости, всяческой грязи и неустройства, и это даетъ ей почетное право быть свѣточемъ и водителницей жизни. Способствуя самосознанію народа, истинная литература въ то же время зоветъ людей ко всему доброму, хорошему, свѣтлому... А безъ самосознанія и безъ вытекающаго изъ него стремленія къ самосовершенствованію не можетъ быть разумной и всегда совершенствующейся, *одухотворяющей* жизни...

Бѣда только въ томъ, что литература, какъ и все человѣческое, иногда слишкомъ уклоняется отъ своего

прямого, высокаго пути и устремляется по пути необузданнаго отрицанія и разрушенія... Въ послѣднемъ случаѣ она является опасной и темной силой, способной произвести неисчислимыя бѣдствія... А вѣдь извѣстно, что ни одно слово, ни одинъ поступокъ не пропадаетъ даромъ, отражаясь въ жизни тысячью незамѣтныхъ послѣдствій; поэтому надобно быть всегда на сторожѣ, чтобы не послужить орудіемъ соблазна и другихъ не ввести въ соблазнъ...

Во главѣ нашей такъ называемой натуральной школы ставится Пушкинъ. Его стихъ—легкій, изящный, полный высокаго, истинно-аристократическаго благородства—уже самъ по себѣ можетъ служить прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ. Пріятно бываетъ поговорить по душѣ съ умнымъ, бывалымъ крестьяниномъ; но несравненно пріятнѣе, полезнѣе и поучительнѣе поговорить, посредствомъ чтенія, съ Пушкинымъ, этимъ истинно-русскимъ чело-вѣкомъ, съ его любовною мягкостью натуры, съ его здоровымъ взглядомъ на вещи и трезвымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, съ его душевнымъ благородствомъ и чисто-женскою, истинно-поэтическою нѣжностью сердца, его искреннимъ чело-вѣколюбіемъ и неподдѣльною любовью ко всему родному, русскому... Вѣдь все это представляетъ развитіе тѣхъ драгоценныхъ задатковъ, которыми велика и прекрасна русская народная душа, и что обѣщаетъ ей великое, свѣтлое, чудно-прекрасное будущее... За эти-то прекрасныя качества души покойнаго поэта любилъ его и нашъ педагогъ-богатырь С. А. Рачинскій, съ восторгомъ отзывавшійся о сочиненіяхъ Пушкина и считавшій ихъ безусловно пригодными для школьнаго и народнаго чтенія.

Многими изъ своихъ произведеній Пушкинъ служилъ дѣлу Божію на землѣ: воспитывалъ въ душѣ своихъ современниковъ любовь ко всему родному, русскому, особенно къ родной природѣ, живописуя ея смиренныя красоты дивными, прекрасными строфами; призывалъ всѣхъ къ братской любви и всепрощенію (см. прекрасныя строфы послѣ описанія дуэли Ленскаго съ Онѣгинымъ), звалъ къ разумному, серьезному труду, („мы всѣ учились понемногу: чему-нибудь и какъ-нибудь“), клеймилъ роскошь и мишурность шумной свѣтской жизни съ ея пустотой и безсодержательностью, ярко и правдиво описывалъ милое прошлое родины („Полтава“, „Борисъ Годуновъ“, „Капитанская дочка“), вызывая въ памяти потомковъ величавые образы благочестивыхъ царей и самоотверженныхъ строителей древней Руси... Среди почти поголовнаго тогдашняго увлеченія всѣмъ иноземнымъ, среди грубаго иногда презрѣнія и пренебреженія ко всему родному, русскому, даже къ славному прошлому родной земли, Пушкинъ являлся образцомъ истинно-русскаго честнаго гражданина, любившаго родину глубокою, чуткою и самоотверженною сердечною любовью. Вдобавокъ ко всему онъ въ своихъ сочиненіяхъ былъ идеально-простъ, чистъ душою и откровененъ. Многимъ изъ нашихъ современныхъ писателей слѣдовало бы поучиться у Пушкина его незлобивою, чисто-русской ироніи, его христіанской снисходительности къ порокамъ и недостаткамъ ближняго, его широкому, трезвому, поистинѣ справедливому, отношенію къ тогдашней наличной дѣйствительности... И если изъ-подъ его пера выходили иногда такія вещи, которыя бросаютъ нѣкоторую тѣнь на величавый образъ поэта, то не намъ

осуждать своего учителя, показавшаго въ концѣ своей недолгой жизни истинный примѣръ христіанскаго покаянія и рѣшительно вступившаго на путь тѣснаго сближенія со св. Матерью-Церковью, отъ которой онъ былъ временно оторванъ своимъ иноземнымъ воспитаніемъ. Проживи Пушкинъ еще десять-пятнадцать лѣтъ,—и мы имѣли бы не одинъ томъ чудныхъ твореній, проникнутыхъ живымъ религіознымъ чувствомъ и глубокимъ пониманіемъ русской народной души, живущей въ Богѣ и для Бога... Вспомнимъ хоть его „Великопостную молитву“ и др. подобныя стихотворенія, намекающія на серьезный душевный переломъ, пережитый Пушкинымъ въ концѣ жизни... Даже въ своихъ сказкахъ, какъ „Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ“, „о царѣ Салтанѣ“, „объ Иванѣ дурачкѣ“—Пушкинъ проводитъ свои добрыя, нѣжно-гуманныя, свѣтлыя мысли о простой, нестяжательной, смиренной жизни („Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ“), о конечномъ торжествѣ любви и правды надъ злобою людскою и людскою неправдою („Сказка о Царѣ Салтанѣ“), о смиренной безсознательной мудрости народной, полной чисто-евангельскаго незлобія, простоты и безкорыстія („Сказка объ Иванѣ дурачкѣ“).

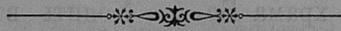
Народъ русскій не признаетъ и не понимаетъ литературы, какъ *искусства*. Онъ смотритъ на нее въ своей простотѣ и нетронутости лишь какъ на источникъ *нравственно-религіознаго назиданія и просвѣщенія*, что не разъ отмѣчалось даже въ свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ и въ трудахъ такихъ извѣстныхъ дѣятелей по народному образованію, какъ баронъ Н. Корфъ, Алчевская, А. С. Пругавинъ и др. Пока народъ не понимаетъ родныхъ писателей, называя ихъ сочиненія пустыми сказками, „бандылюка-

ми“. Слушая, напримѣръ, житія святыхъ, даже неискусно, варварски написанныя, съ живымъ чувствомъ восторга и благоговѣнія, народъ нашъ сторонится произведеній отечественныхъ писателей, не читаетъ ихъ... Не составляетъ исключенія въ данномъ отношеніи и А. С. Пушкинъ (см. „Дневникъ учителя-крестьянина“, Е. Куликова—въ „Божіей Нивѣ“). И въ самомъ дѣлѣ: житія святыхъ и вообще всякая хорошая душеспасительная книжка *прямо и безъ всякой прикровенности* научаетъ своего простодушнаго читателя добру, зоветъ къ свѣту и

правственному обновленію, рисуется передъ духовнымъ взоромъ народа его излюбленные идеалы, которыми была, есть и будетъ жива душа народная, прямо и рѣшительно указываетъ, что хорошо и что дурно... А въ сочиненіяхъ писателей, даже самыхъ благонамѣренныхъ и близкихъ по духу духу народа, еще надобно *умѣть найти* то хорошее и цѣнное, что въ нихъ заключается подъ внѣшнюю беллетристическую форму, а для всего этого требуется значительное развитіе и привычка мыслить, анализировать свои впечатлѣнія...

С. Козубовскаго.

(Продолженіе будетъ).

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина ¹⁾.

27 Февраля. Наступила и „широкая масленица“, этотъ языческій праздникъ, дни разгула и непотребнаго веселья... Наступила, и улицы села превратились въ арены конскихъ ристалищъ, безшабашнаго и неугомоннаго шума. Всюду виднѣются пьяные, пишутъ они мыслете-азъ-ма по всѣмъ переулкамъ села. Одни изъ нихъ валяются уже на снѣгу безъ движенія, другіе еще силятся встать, борясь съ хмѣлемъ, третьи заводятъ драку, брань; четвертые горланяютъ непотребныя пѣсни... Грустная и непривлекательная картина!

Достаётся болѣе всего бѣднымъ лошадямъ: въ пѣнѣ, въ поту, измученныя катаютъ онѣ своихъ неблагодарныхъ хозяевъ, иногда безъ милосердія хлестающихъ ихъ кнутомъ; трескъ колокольчиковъ, погромковъ и бубенчиковъ наполняетъ село... И не

хочется смотрѣть на всё это безобразіе, совершающееся на канунѣ великихъ дней Святой Четырнадцатницы.

Но для меня были и отрадныя минуты въ эти дни: нѣкоторые мальчишки изъ учащихся посѣщали въ эти дни школу и, выбравъ себѣ книги изъ библиотеки, часа по четыре читали ихъ въ классѣ, вдали отъ уличнаго ада. Я сердечно благодарилъ этихъ учениковъ и отъ души радовался ихъ поступку, какъ плоду моихъ преду-прежденій.

10 Марта. Наступилъ и Великій Постъ. По средамъ и пятницамъ я съ малышами хожу къ литургіямъ Преждеосвященныхъ Даровъ, но къ службѣмъ ходятъ только одни православные ученики, а раскольники остаются въ школѣ. Это нежелательное явленіе есть туманное пятно на свѣтломъ фонѣ нашей школьной жизни. Каждое утро въ эти дни, когда православные

¹⁾ Продолженіе. См. съ № 8 по 40.

дѣти спѣшать въ церковь, маленькіе сектанты остаются одни и тоскливо посматриваютъ въ окна школы по направлению къ храму Божію... Имъ тоже, безъ сомнѣнія, хочется побыть тамъ, но неблагоприятный наказъ ихъ родителей, а скорѣе уставщиковъ — заправиль раскола „не ходить въ церкву“ удерживаетъ ихъ. И дѣти словно сироты, лишеныя чадолубивой матери, коротаютъ время одни въ просторномъ классѣ. И грустно, грустно бываетъ на нихъ смотрѣть, а пока помочь этому горю не возможно. Но хочется вѣрить, что школа привьетъ имъ современемъ сознаніе въ своемъ сиротствѣ по отношенію къ Св. Церкви, и они переступятъ порогъ храма Божія наравнѣ съ другими своими товарищами.

12—29 Марта. Этотъ періодъ я былъ опасно боленъ и съ учениками въ школѣ не занимался, а вмѣсто меня присланъ былъ другой учитель.

8 Апрѣля. Снѣгъ быстро таетъ... Въ воздухѣ снова запахло весной. Дѣти бѣгаютъ въ школу охотно. Занятія идутъ дружно. Весело становится на душѣ! Съ наступленіемъ весны въ моей жизни не обходится и безъ курьезовъ.

Зимой я ихъ не записывалъ, — потому что они всецѣло касаются моего финансоваго положенія, а на это послѣднее я мало нынѣ обращаю вниманія, ибо положительно не до него.

Но все таки одинъ курьезный случай опишу для памяти.

Осенью еще я обзавелся колошами, которыя купилъ „подержанными“ за 25 к. на толчкѣ въ городѣ Спасскѣ. Но спѣшу оговориться: купилъ я ихъ не для того, чтобы предохранить сапоги отъ мокроты и порчи, нѣтъ, сапоги мои чести этой не стоятъ по своей ветхости, а колоши мнѣ нужны для того, чтобы предохранить эти са-

поги отъ окончательнаго разложенія. Слѣдовательно, колоши эти есть своего рода предохранительная оболочка для моихъ сапогъ, которая и прикрываетъ ихъ погрѣшности, и продолжаетъ время употребленія. Осенью, когда я купилъ эти колоши, то въ тотъ-же день водрузилъ въ нихъ сапоги, даже пристебнулъ мѣстахъ въ двухъ для вящей прочности и.. съ тѣхъ поръ эти двѣ пары обуви до того сроднились, что не разлучались ни днемъ, ни ночью всю осень. Съ наступленіемъ нынѣшней весенней грязи я принужденъ былъ опять прибѣгнуть къ помощи моей осенней обуви и пользуюсь ею вотъ уже другую недѣлю.

Ходить въ школу мнѣ приходится черезъ мостъ, а на этомъ мосту и около него — грязь по колѣна: понятно послѣ этого холодная обувь необходима. Только сегодня выдала меня эта обувь (впрочемъ, виновать-то тутъ скорѣе утренникъ, не подморозившій грязь сегодняшнее утро). Пошелъ я въ школу и только вступилъ на мостъ, какъ грязь начала приклеивать мои ноги, да вѣдь какъ! Не оттащишь. Я, конечно, не обращаю на это вниманія и продолжаю путь, съ усиленіемъ отрывая ноги. Вдругъ слышу: трррр! Смотрю: верхъ у лѣвой колоши — пополамъ. Я поднимаю правую ногу, и опять та же исторія. Что тутъ дѣлать?! Стащилъ я колоши, взялъ ихъ въ руки да и назадъ. Хозяинъ мой стоялъ въ это время на крыльцѣ, увидѣлъ въ чемъ дѣло, да и кричитъ: „аль не выдержали?“

— „Нѣтъ“, говорю я.

— „Прасковья, давай скорѣе болшую иглу“, приказалъ онъ женѣ.

Вскорѣ большая игла заработала, и колоши мои были починены, да такъ крѣпко, что надѣюсь еще съ мѣсяць протаскать ихъ, а тамъ что Богъ дастъ.

Вечеромъ сегодня былъ у меня отецъ и, смотря на починенныя колоши съ рельефно выдѣлявшимися рубцами на носажъ, сказалъ: „какъ ужь ты въ нихъ, парень, Пасху-то встрѣтишь: новенькія бы надо, только...“ на этомъ словѣ онъ остановился и грустно поникъ головой. Я понялъ его недоконченную рѣчь и поспѣшилъ утѣшить его: „Ну вотъ есть о чемъ беспокоиться! Пасха будетъ смотрѣть намъ не на ноги, а на сердце“.

II Апрѣля. Входъ Господень во Иерусалимъ. День теплый. Школьники мои всѣ, кромѣ старообрядцевъ, присутствовали при богослуженіи. И дѣти зажиточныхъ родителей, и бѣдняки—

всѣ явились въ храмъ раздѣлить праздничное торжество; всѣ были одинаково веселы, радостны и довольны. Какую трогательную картину представляли ихъ ряды около солей! Каждый изъ мальчиковъ держалъ въ рукахъ высокую вербу съ вожженною свѣчей. Смотри на ихъ веселыя лица, невольно припоминаешь еврейскихъ дѣтей, воспѣваніе которыхъ принялъ Господь наравнѣ съ ангельскимъ хваленіемъ, какъ объ этомъ повѣствуетъ церковная пѣснь (кондакъ): „ангеловъ хваленіе и дѣтей воспѣваніе пріялъ еси, зовущихъ Ти: Благословенъ еси грядый Адама воззвати“.

Учит. *Е. Нулиновъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мальши.

Сценка.

Вечеръ. Въ N—ской второкласной школѣ идутъ вечернія занятія. Въ большомъ классѣ образцовой школы тихо сидятъ ученики всѣхъ трехъ отдѣленій и готовятъ уроки къ слѣдующему дню. На каедрѣ, у передней стѣны, сидитъ учитель и поправляетъ ученическія тетрадки... На его утомленномъ лицѣ замѣтна усталость и напряженное вниманіе...

На заднихъ партахъ, у входныхъ дверей въ классъ, слышится шопотъ и смѣхъ. Что-то стукнуло, зазвенѣло, покатила... На минуту все стихло, но потомъ опять начинаются шалости, смѣшки, перешоптыванья.

Учитель, занятый своимъ дѣломъ, мало обращаетъ вниманія на шалуновъ. Шумъ и смѣхъ усиливаются... Сначала онъ робко таятся въ уголкѣ, но вскорѣ всѣ первокурсники, за исключеніемъ нѣсколькихъ прилежныхъ-

шихъ малышей, присоединяются къ шалунамъ,—и начинается баталія...

— Тихе, братцы! Прошу—тише!—возвышаетъ голосъ учитель—Вы мнѣ мѣшаете работать, да и сами безъ толку теряете время... Вотъ подождите—исправлю тетрадки,—тогда прочтемъ что-нибудь и побесѣдуемъ...

Классъ на нѣсколько минутъ стихаетъ...

— Господинъ учитель!—слышится плачущій голосъ одного изъ первокурсниковъ.—На меня смѣются... Медвѣдемъ называютъ...

Классъ сочувственно смѣется...

Учитель, не обращая вниманія на происходящее, спѣшно заканчиваетъ исправленіе тетрадокъ.

— Опять смѣются!..—слышится тотъ же голосъ.—Никитюкъ толкается...

Учитель встаетъ со своего мѣста и, проводя рукой по усталому лицу, нѣ-

сколько разъ проходить вдоль всего класса...

Водворяется тишина.

— Дѣти!—начинаетъ учитель утомленнымъ, но симпатичнымъ голосомъ.— Когда я учился, меня обижали товарищи, и я обижалъ другихъ... Тяжело вспомнить это время... Точно въ глухомъ погребѣ сидѣлъ, солнышка не видѣлъ, чистымъ воздухомъ не дышалъ... У васъ здѣсь еще не бѣда: толкнетъ иной разъ одинъ другого, выдумаетъ какое-либо смѣшное прозваніе—и дѣлу конецъ... А у насъ, бывало, иному малышу и проходу не даютъ: тотъ за вихоръ дернетъ, тотъ шапку сброситъ, тотъ подзатыльникъ влѣптитъ, тотъ ножку подставитъ, тотъ книжку изъ рукъ выбьетъ... И, какъ на бѣду, жертвами этихъ истязаній являлись самые беззащитные и впечатлительные мальчики... Можете себѣ представить, что творилось на душѣ у этихъ малышей—запуганныхъ, забитыхъ, ожесточенныхъ до послѣдней крайности общими издѣвательствами и насмѣшками?.. Помню—одинъ такой малышъ, котораго старшій товарищъ больно ущипнулъ за ухо, со злости прокусилъ своему мучителю палецъ до кости... Ужась что такое!..

Тяжелое было время, и съ грустнымъ и тяжелымъ чувствомъ воспроизвожу я его въ своей памяти. Ни одного луча свѣтлаго, ни одного радостнаго воспоминанія... Точно то было не милое, радостное дѣтство, а какой-то

смутный и ужасный сонъ... Теперь, когда я встрѣчаю своихъ прежнихъ товарищей по школѣ, мною овладѣваетъ неприятное чувство, и я спѣшу поскорѣе разстаться съ ними...

Хорошо ли это? Приятно ли встрѣчать съ такими чувствами тѣхъ, съ которыми когда-то дѣлилъ и горе, и радость, съ которыми рядомъ учился, шалилъ, мужалъ, развивался?.. И хорошо ли будетъ, если и вашъ товарищъ съ такимъ же чувствомъ встрѣтитъ васъ когда-нибудь въ жизни?..

Классъ долго и угрюмо молчалъ...

Послѣ ужина дежурный учитель на минуту зашелъ въ образцовый классъ, чтобы взять тамъ забытую книжку... Въ классахъ никого изъ учениковъ не было. Только у печки, при лампѣ, сидѣло нѣсколько первокурсниковъ, которые дѣятельно занимались подготовкой уроковъ. Между ними, съ веселымъ и оживленнымъ личикомъ, сидѣлъ и обиженный первокурсникъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете, дѣтки?—ласково спросилъ ихъ учитель.

— Помогаемъ вотъ ему (они указали на обиженнаго первокурсника) готовить уроки... Мы не желаемъ, чтобы онъ вспоминалъ насъ такъ, какъ вы сегодня рассказывали... Богъ не велитъ такъ дѣлать...

Дѣти казались растроганными, а обиженный весело и довѣрчиво глядѣлъ на всѣхъ добрыми дѣтскими глазами...

С. Козубовскій.

У святынь Ростова Великаго.

(Изъ досуговъ Наблюдателя).

Городъ древній, знаменитый,
Городъ славный стариной,
Словно витязь именитый,—

Ты опять передо мной.

Но скажи мнѣ: гдѣ забрало?

Гдѣ твой щитъ, твое копье?..
Все давнымъ давно пропало,—
Время прожито твое.

Жизнь былая отшумѣла,
Люди—честь родной земли,
Люди подвига и дѣла—
Въ темный гробъ на вѣкъ сошли.

Но въ народѣ сохранились
Ихъ святыя имена,
И—надъ чѣмъ они трудились—
Живо въ наши времена.

Какъ свидѣтельницы силы
И трудовъ богатырей,
Мы и нынѣ ихъ могилы
Свято чтимъ въ душѣ своей.

И они незримой силой

Здѣсь, предъ нами—каждый часъ...
О, вожди отчизны милой!
Богъ прогнѣвался на насъ:

Вся въ смятеньи Русь святая,
Счастья нѣтъ для насъ въ войнѣ,
Врагъ насъ гонить, побѣждая,—
Смута страшная въ странѣ...

Сжальтесь, смилуйтесь надъ нами,
Защитите край родной,
Припадите со слезами
Къ Богу съ пламенной мольбой,—

Да спасетъ Онъ Русь святую,
Да подастъ ей тишину,
Прекративъ и смуту злую
И тяжелую войну!

Свящ. А. Державинъ.

ПОСТЫ И ВХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XII.

Общій обзоръ успѣховъ церковно-приходской школы.—Число школъ, ихъ дѣятельность и условія быта.

Нихо и безшумно несутъ свою великую службу Церкви и Отечеству около 50,000 церковно-приходскихъ школъ.

Обширную сѣтью покрыли онѣ все громадное пространство матушки-Россіи и съ несомнѣнною пользою вотъ уже сколько лѣтъ служатъ для первоначальнаго образованія и просвѣщенія свѣтомъ истины и православной вѣры многихъ миллионѣвъ русскихъ дѣтей. Какъ бы ни нападали приверженцы другаго типа школъ на недостатки школъ церковныхъ, но для насъ уже достаточно-яркимъ доказательствомъ пользы, приносимой церковными школами нашему Отечеству, является то, что онѣ, помимо министерской и др. школъ, ежегодно даютъ хотя бы простую грамотность болѣе

чѣмъ полумилліону русскихъ людей, и тѣмъ значительно подвигаютъ дѣло къ тому, правда, еще весьма далекому времени, когда на Руси, наконецъ, вовсе не будетъ взрослыхъ неграмотныхъ ¹⁾. Но не въ

¹⁾ Развитіе церковныхъ школъ, — говоритъ одинъ писатель, — особенно замѣтное за послѣднее время, даетъ твердое основаніе надѣяться, что вопросъ о всеобщемъ обученіи въ Россіи, возбужденный болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, будетъ, благодаря церковной школѣ, разрѣшенъ практически гораздо скорѣе, чѣмъ это было бы возможно при другихъ условіяхъ, такъ какъ съ 1884 г. по 1898 г. число церковныхъ школъ увеличилось болѣе чѣмъ въ 7 разъ, а число учащихся—въ 10 разъ. См. журналъ „Церковно-прих. школа“ за 1900 г., ноябрь, стр. 270.

этомъ только, конечно, значеніе и польза церковно-приходскихъ школъ. Несомнѣнно, онѣ даютъ народу не только грамотность, но и достаточное на первый случай развитіе и образованіе, и именно образованіе въ духѣ Православной Церкви, искони дорогой сердцу простого Русскаго народа и всегда служившей твердымъ оплотомъ государства. Вотъ почему школы эти быстро завоевали симпатіи народа, не смотря на всѣ козни ярыхъ противниковъ своихъ; вотъ почему и само государство, сознавая всю пользу и значеніе этихъ школъ, особенно покровительствуетъ имъ.

Начавъ (въ 1884 г.) свою созидательную работу съ пособіемъ отъ казны всего только въ 55.500 руб., церковно-приходскія школы, благодаря усиленной и ревностной дѣятельности духовенства, поощреннаго самимъ Государемъ Императоромъ Александромъ III, и благодаря обильнымъ пожертвованіямъ самого же духовенства и многихъ прихожанъ, весьма сочувственно относившихся къ повсемѣстному ихъ открытію, уже въ слѣдующемъ 1885 году подсчитали у себя мѣстныхъ средствъ до $\frac{1}{2}$ милліона. Съ этого времени матеріальное обезпеченіе церковныхъ школъ все болѣе и болѣе увеличивалось, а вмѣстѣ разрасталось и количество школъ. Въ 1886 г. отъ казны было отпущено еще 120.000 руб., въ 1887 года прибавлено еще 122.000 руб., въ 1894 г. изъ казны отпущено единовременно 350.000 р. и въ 1895 г.—еще 700.000 руб. Къ этому времени мѣстныхъ средствъ считалось около $2\frac{1}{2}$ милліоновъ руб. Весь бюджетъ церковно-приходскихъ школъ въ 1895 году равнялся $3\frac{1}{2}$ милліонамъ руб. На десятомъ году своего существованія церковно-приходская школа уже почувствовала подъ собою довольно твердую почву, подсчитала свои силы и средства и заявила свои права. За 10 лѣтъ было выстроено для церковныхъ школъ 9200 собственныхъ домовъ, на 7 милліоновъ руб.; всѣхъ школъ къ этому времени было болѣе 30.000 разныхъ

наименованій съ 917.000 учащихся; изъ этого числа около 18.000 были школы грамоты, около 12.000—одноклассныя церковно-приходскія школы и 200 двухклассныхъ школъ ¹⁾. Школы грамоты давали только грамотность, церковно-приходскія—такъ называемое элементарное образованіе, а двухклассныя—начальное образованіе.

Но еще болѣе твердымъ путемъ пошло церковно-школьное дѣло съ 1896 года, когда церковно-приходская школа нашла возможнымъ явиться въ блестящемъ нарядѣ (въ видѣ церкви-школы) на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ и привлекла къ себѣ всеобщія симпатіи ²⁾. Съ этого года, благодаря ходатайству Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева, на церковно-приходскія школы ассигнованъ былъ ежегодный отпускъ изъ казны въ 3.279.000 руб. ³⁾. Начали открываться „второклассныя“ школы для подготовки учителей въ школы грамоты и, наконецъ, „церковно-учительскія“—для приготовленія учителей въ церковно-приходскія школы. Государство приняло на себя половинное содержаніе каждой церковно-приходской школы и школы грамоты въ земскихъ губерніяхъ (первой—въ суммѣ 125 р. и второй—въ суммѣ 50 руб.) и полное содержаніе „второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, съ учительскими и сельско-хозяйственными курсами“. Про-

¹⁾ С. Рункевичъ. Русская церковь въ XIX в. См. также журналъ „Церковно-приходская школа“ за 1900 г., кн. 4.

²⁾ М. И. Макаревскій. Церковная школа на всероссійской выставкѣ 1896 г., въ Н.-Новгородѣ. Спб. 1897 г.

³⁾ Святѣйшій Синодъ, утѣшенный такимъ успѣхомъ церковной школы, чрезъ особую депутацію отъ Училищнаго Совѣта, благословилъ св. иконами министра финансовъ, согласившагося на отпускъ этой громадной суммы на церковныя школы, а также и тогдашняго государственнаго контролера Т. И. Филипова.

шелъ только годъ и церковныя школы получили еще 1.500.000 руб. ежегодной прибавки; въ 1899 г. разрѣшена еще прибавка въ 3½ милліона ¹⁾, а въ 1900 году еще прибавлено изъ казны 1.859.605 р., такъ что къ концу XIX-го столѣтія на содержаніе церковно-приходскихъ школъ стало отпускаться ежегодно болѣе 10 милліоновъ руб. Кромѣ того мѣстныхъ средствъ собирается ежегодно свыше 5 милліоновъ руб. ²⁾. Такое громадное увеличеніе средствъ содержанія способствовало еще большому количеству и качественному процвѣтанію церковно-приходскихъ школъ. Къ концу XIX-го столѣтія въ вѣдомствѣ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ состояло болѣе 41.000 школъ; изъ нихъ—школъ грамоты около 22.000 съ числомъ учащихся до 600.000 и церковно-приходскихъ около 19.000 съ числомъ учащихся до 900.000. Изъ числа церковно-приходскихъ школъ до 300 было учительскихъ и до 300 двухклассныхъ, немногимъ болѣе 100 образцовыхъ, при духовныхъ семинаріяхъ и епархіальныхъ женскихъ училищахъ. Число собственныхъ зданій увеличилось до 12.000; многія школы построены въ видѣ церквей-школъ; свыше 1000 церковныхъ школъ имѣютъ при себѣ общежитія. Общежитія обязательны для всѣхъ второклассныхъ школъ, при чемъ квартира и обстановка для учащихся даровыя, а провизія доставляется ихъ родителями большею частью натурою.

Быстрое увеличеніе числа школъ не могло не отразиться на поднятіи уровня

¹⁾ Отпускъ этой прибавки по случаю китайскихъ событій былъ задержанъ вмѣстѣ со всѣми вообще новыми кредитами по всѣмъ вѣдомствамъ, кромѣ военнаго, но потомъ опять былъ разрѣшенъ.

²⁾ Сюда входятъ пожертвованія церквей, монастырей, братствъ и частныхъ лицъ (2.812.000 руб.), крестьянскихъ обществъ (1.494.000 р.) и земствъ (797.000 р.). „Церк.-пр. школа“ за 1900 г., кн. 4.

народнаго образованія и повышеніи процента грамотности народонаселенія Россіи. Нѣтъ нужды говорить объ успѣхахъ учебно-воспитательной части въ церковно-приходскихъ школахъ. Въ продолженіе всего краткаго періода существованія церковныхъ школъ и центральнымъ и мѣстными епархіальными управленіями предпринимались и предпринимаются всевозможныя мѣры и средства для наилучшей постановки обученія и для достиженія наилучшихъ успѣховъ учащимися ¹⁾.

Но нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что вмѣстѣ съ образованіемъ церковныя школы распространяютъ и сельскую культуру. Во многихъ церковныхъ школахъ ведется практически обученіе сельскому хозяйству. При нѣкоторыхъ школахъ имѣются земельные участки, на которыхъ устраиваются сады, огороды, пасѣки и т. п. Садовъ въ послѣдніе годы было до 1000, огородовъ до 1500, до 100 пасѣкъ, до 30 черводеней, 20 виноградниковъ; 150 участковъ были заняты полевымъ хозяйствомъ. При 300 слишкомъ школахъ занимаются ремеслами, преимущественно кузнечно-слесарнымъ и столярно-токарнымъ. Почти всѣ женскія школы и до 3500 смѣшанныхъ школъ обучаютъ дѣвочекъ рукодѣліямъ, т. е. шитью, кройкѣ, вязанію, вышиванію, тканью и т. п. Въ тѣхъ школахъ, гдѣ обученіе рукодѣлью производится по вечерамъ, обучаться приходятъ и взрослые дѣвушки и замужнія молодыя женщины. Въ нѣкоторыхъ шко-

¹⁾ Въ числѣ этихъ средствъ однимъ изъ главныхъ и самыхъ важныхъ, по нашему мнѣнію, является устройство лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ. Курсы эти, какъ мѣстные епархіальные, такъ въ особенности центральные въ значительнѣйшихъ городахъ Россіи, не мало способствуютъ подъему умственнаго развитія, обновленію энергіи и обмѣну мыслей среди учащаго персонала о способахъ наилучшаго веденія учебнаго дѣла.

лахъ идетъ обученіе иконописанію и живописи.

Не ограничивая своей миссіи образованіемъ собственно дѣтей, церковно-приходская школа несетъ религіозно-нравственное просвѣщеніе и вообще въ среду деревенскаго населенія. Во многихъ деревняхъ, гдѣ нѣтъ церквей, устроены церкви-школы, и такимъ образомъ дана крестьянскому населенію возможность присутствовать въ воскресные и праздничные дни при богослуженіи, что особенно умильно бываетъ для родителей, когда они видятъ и слышатъ здѣсь участвующими въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ своихъ же собственныхъ дѣтей. При большей части школъ, до 21.000, имѣются бібліотечки для внѣкласснаго чтенія не только для учащихся, но и для вообще желающихъ. Кое-гдѣ устроены подвижныя бібліотечки. До двухсотъ числится народныхъ бібліотекъ-читалень. Въ нѣкоторыхъ школахъ, свыше 7000, устраиваются религіозно-нравственныя чтенія для взрослога населенія въ воскресные и праздничные дни. Чтутъ обыкновенно дневное евангеліе, исторію праздника, объясненіе молитвъ, заповѣдей, богослуженія, библейскую исторію, житія святыхъ, изъ отечественной исторіи, по сельскому хозяйству, гигиенѣ. Чтенія эти во многихъ мѣстахъ иллюстрируются картинами волшебнаго фонаря и сопровождаются пѣніемъ учащихся. Наконецъ, при нѣкоторыхъ школахъ (до 500) устраиваются воскресныя школы для тѣхъ, кто почему-либо не можетъ регулярно посѣщать школьныхъ уроковъ. Такова въ общихъ чертахъ картина дѣятельности церковно-приходскихъ школъ на пользу просвѣщенія народа.

Въ концѣ XIX вѣка церковно-приходскія школы имѣли случай предъ лицомъ всего міра заявить о своемъ существованіи и значеніи. Въ 1900 году, на Парижской всемірной выставкѣ, въ числѣ экспонатовъ, имѣвшихъ въ виду характеризовать положеніе обученія и воспитанія у различныхъ

народовъ, находились и церковно-приходскія школы Россійской имперіи. Появленіе церковныхъ школъ на всемірномъ состязаніи—фактъ замѣчательный! Прошло всего только шестнадцать лѣтъ со времени возрожденія церковной школы у насъ на Руси, и эта школа смѣло идетъ на всемірный судъ, и не только присутствуетъ на всемірной выставкѣ, но и получаетъ высшую награду. Выставочныя жюри, разсмотрѣвъ представленные экспонаты, должны были характеризовать положеніе у насъ церковно-школьнаго дѣла ¹⁾, присудили Синодальному Училищному Совѣту высшую награду (grand prix)—за широкое распространеніе народнаго образованія въ Россіи, за прекрасную организацію школьной статистики и за организацію снабженія школъ книгами.

Даже такой сравнительно краткій обзоръ состоянія церковно-школьнаго дѣла на Руси въ концѣ XIX вѣка способенъ дать ясное представленіе какъ о быстрыхъ успѣхахъ этого дѣла, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о высококомъ и благоплодномъ служеніи православнаго русскаго духовенства, съ любовью и преданностью безвозмездно трудившагося на пользу школьнаго просвѣщенія роднаго народа. Духовенство, можно сказать, съ честію выполняло и выполняетъ великій призывъ Царя - Миротворца, отдавъ на пользу сего святаго дѣла не только свою энергію и труды, но и оказавъ на первыхъ порахъ значительную, въ видѣ обильныхъ денежныхъ пожертвованій, матеріальную помощь этому, тогда только еще нарождавшемуся, дѣлу... Конечно, многія церковно-приходскія школы еще далеки отъ полнаго благоустройства благодаря недостатку вполне образованныхъ учителей и учитель-

¹⁾ Экспонаты были слѣдующіе: 1) статистическія данныя о числѣ и средствахъ содержанія церковныхъ школъ; 2) фотографическіе снимки различныхъ школъ и 3) изданія Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ. (Журналъ „Церковно-прих. школа“ за 1900 г., ноябрь).

ницъ; далеки онѣ и отъ полного матеріальнаго обезпеченія, такъ какъ многимъ изъ нихъ и нынѣ приходится еще ютиться въ наемныхъ помѣщеніяхъ, тѣсныхъ и неудобныхъ, при весьма скромной и часто недостаточной учебной обстановкѣ. Но для устраненія перваго недостатка въ настоящее время уже приняты мѣры: послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе о церковно-приходскихъ школахъ, въ которомъ церковно-учительскія школы поставлены на твердую почву, такъ какъ имъ

предоставлены весьма значительныя права и преимущества. (Церк. Вѣд. 1902 г. №№ 15—16). Нужно надѣяться, что время исправитъ и другіе недостатки и усовершитъ это великое дѣло, лишь бы среди дѣятелей церковно-школьнаго дѣла никогда не ослабѣвала та любовь къ народу и та святая ревность къ просвѣщенію его свѣтомъ истины Христовой, которая всегда воодушевляла и нынѣ воодушевляетъ истинныхъ тружениковъ на этой нивѣ Господней.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Мы говорили уже въ своемъ дневникѣ о завѣтномъ желаніи поклонниковъ чистаго знанія видѣть при обученіи подросткающаго поколѣнія полное торжество ума надъ сердцемъ, мысли надъ чувствомъ, знанія надъ вѣрою ¹⁾... Но вотъ, какъ видно, это уже не одна лишь мечта, не одно желаніе, а и печальная дѣйствительность, заставляющая серьезно призадуматься честныхъ тружениковъ народныхъ школъ надъ средствами наиболѣе жизненнаго, воспитывающаго воздѣйствія на школяровъ въ виду прискорбнаго встрѣчнаго теченія... Сравнительно недавно въ одной изъ Московскихъ газетъ ²⁾ было напечатано небезынтересное въ этомъ отношеніи, хотя и многоскорбное письмо одного ревнителя народнаго просвѣщенія въ духѣ православно-русскихъ началъ, который въ связи съ попутнымъ замѣчаніемъ о народномъ театрѣ горько сѣтуетъ и на то, что школьное начальное образованіе, отданное въ руки невѣрамъ, въ корнѣ раздѣдаетъ основы нравственной жизни нашего народа, подтачиваетъ и подавляетъ его духовный ростъ. „Мнѣ из-

вѣстно, пишетъ авторъ этого письма, одно начальное училище (но Боже мой, сколько такихъ!), въ которомъ дѣти живутъ въ разлагающей нравственной атмосферѣ. Что тутъ народные дома и театры! Здѣсь дѣло идетъ дальше, и успѣхъ вѣрнѣе.

Принимаются въ это закрытое училище дѣти исключительно пансіонерами; кромѣ платящихъ, много бесплатныхъ; эти бесплатные въ подавляющемъ большинствѣ непомнящіе родства, незнающіе своихъ родителей, поэтому предназначенные судьбою ко всемъ ударамъ и лишеніямъ. Съ первыхъ шаговъ такіе воспитанники окружаются здѣсь попеченіемъ, встрѣчаютъ внезапно спокойную и сытую жизнь. Начинаются годы ученья. Курсъ четырехлѣтній, программы преподаванія по возможности широкія... Ученики круглый годъ въ училищѣ. Въ дѣло никто не имѣетъ права вмѣшиваться.

Сценка. Приходитъ, на примѣръ, самъ попечитель въ школу во время вечернихъ занятій и приноситъ, по обычаю какого-то страннаго преувеличеннаго баловства съ собой для учениковъ—пирожное. Замѣтивъ, что одинъ изъ ребятъ углубился въ чтеніе Священной Исторіи, онъ подходитъ къ читающему съ вопросомъ:

— Чѣмъ это ты занимаешься?

— По *батьюшкиному* закону.

— Что-жъ, какъ по твоему — правда что-ль тутъ все или нѣтъ?

— Не знаю, — въ смущеніи говоритъ ученикъ.

— Вотъ что, брось-ка ты эту чепуху

¹⁾ См. Божія Нива № 40.

²⁾ Газета „День“, № 70. Между прочимъ, нѣкоторые изъ читателей Божіей Нивы обращаются въ редакцію Божіей Нивы съ просьбой указать имъ какую-либо недорогую газету, не оскорбляющую ихъ религіозно-патріотическаго чувства. Съ своей стороны мы могли бы рекомендовать эту недорогую газету День (4 р. въ годъ, въ мѣсяцъ 35 к. Адресъ: Москва. Б. Дмитровка, д. Михайлова).

въ парту, да порѣже заглядывай въ нее, — сказки глупыя!

Средь, пятницу, постовъ въ этомъ учрежденіи не признавалось. Къ службамъ въ церковь дѣтей не водили никогда, замѣняя ихъ „образовательными прогулками“. Впрочемъ, предоставлялось учащимъ на свой страхъ и отвѣтственность водить учениковъ (ихъ здѣсь 80 человѣкъ) изрѣдка къ обѣднѣ. Славянскій языкъ, несмотря на то, что мѣстный псаломщикъ предлагалъ бесплатно свои услуги, былъ вычеркнутъ изъ предметовъ. Священникъ ничего не могъ сдѣлать для преподаванія Закона Божія и для поднятія религіознаго чувства. Просилъ оказать ему содѣйствіе, но попечитель ссылался на учащихся. А эти отказались слѣдить за приготовленіемъ уроковъ Закона Божія.

— Главное, батюшка, у насъ не это, а арифметика. Дорога нашихъ учениковъ такая, что Законъ Божій едва ли потребуетъ. И то уже съ трудомъ удѣляемъ вамъ 2 часа въ недѣлю.

Жили себѣ ученики и безъ Закона Божія, откармливались, какъ на убой. Учащіе были подобраны сообразно съ педагогическими требованіями попечителя и съ своей стороны, своимъ примѣромъ, помогали искорененію религіозныхъ понятій.

Казалось, дѣло шло, какъ по маслу, ученики воспитывались такъ, какъ хотѣлось воспитывающимъ ихъ, а обезпеченіе, разные фонари и увеселенія—должны бы привлекать ихъ къ благодѣтелямъ. Но къ великому удивленію попечителя, дошедшему чуть не до озлобленія, ученики вдругъ одинъ за другимъ стали пропадать, покидали училище и убѣгали, „куда глаза глядятъ“. Полиціи уже приходилось возвращать бѣглецовъ на мѣсто ихъ жительства. Чѣмъ недовольны были дѣти? Что ихъ гнало? Обращались гуманно, по всѣмъ новѣйшимъ правиламъ, не утруждали работами, не наказывали, не бранили, заботились. Отчего? Скажите?..

И они сказали...

Среди учебнаго персонала была учительница, которая иногда, во время своего череднаго дежурства, рѣшалась водить учениковъ въ церковь. Хотя это было и рѣдко, но, повидимому, доставляло ученикамъ великое наслажденіе. Пришлось ей, — что можно было и предвидѣть, — оставить училище. Ученики сильно загрустили и замѣтно пріутихли.

— Она насъ часто *водила въ церковь*, и только она одна! Теперь ужъ и этого не будетъ.

Вотъ отвѣтъ, почему они бѣжали, почему чистая душа ребенка не вынесла разлагающей, пустопорожней, неестественной атмосферы. Какъ ни старались радикалы искоренять у дѣтей ихъ *дѣтское*, ихъ чистоту, какъ ни заглушали ихъ внутрѣнный нравственный голосъ, — душа загворила!“

Читаешь это и недоумѣешь: ужели все это можетъ имѣть мѣсто въ православно-русской землѣ? Ужели поклонники чистаго знанія успѣли опутать своими тенетами уже цѣлую дѣтскую семью? Ужели для пагубныхъ экспериментовъ своихъ они уже не довольствуются единичными жертвами, а простираютъ растлѣвающее вліяніе свое и на цѣлое дѣтское учрежденіе?

Да, это такъ. Въ рай дѣтской чистоты и невинности вторглись новые коварные змій... „Вкуся отъ плода познанія... и ты сдѣлаешься богомъ!.. Брось эту чепуху, эти сказки глупыя, —словомъ все, что заставляегь учить и что совѣтуетъ батюшка — носитель завѣтовъ Церкви—вотъ тогда и откроются очи твои!“ Не такъ ли, правда, звучитъ новая проповѣдь воспитанія?.. Вѣдь мы ничѣмъ не насильовали прямого смысла, вычитаннаго нами изъ скорбнаго письма... Мы даже почти не подмѣняли крайне оскорбительныхъ для каждаго религіознаго чувства словъ сытаго и заботившагося только о сытости дѣтей попечителя..

Но, свидѣтельствуя о печальномъ фактѣ растлѣнія духовно-нравственной личности дѣтей, за большинство изъ коихъ и заступиться то некому, это письмо, въ своихъ деталяхъ, показываетъ, что батюшка, на обязанности котораго главнымъ образомъ лежало воспитаніе въ дѣтяхъ чувства религіозности, какъ будто въ безсиліи опустилъ руки, такъ что дѣти „жили себѣ и безъ Закона Божія, откармливались, какъ на убой, къ службамъ не ходили и славянскій языкъ не изучали“... Конечно, тяжело чувствовать себя въ роли гонимаго, мало, обидно мало двухъ часовъ въ недѣлю для изученія въ школѣ Закона Божія... Но хотѣлось бы вѣрить, что никакое коварство враговъ не заставитъ опустить честнаго труженика свои рабочія руки... Не даютъ дѣлать святое дѣло спокойно, нужно смотрѣть на него какъ на „святой подвигъ“

и совершать, „разумно совершать“¹⁾ этотъ подвигъ... Не дають возможности питать мысль святыми образами священно-историческихъ повѣствованій,—должно воспитывать чувство. И ни одного часа, ни одной минутки не нужно опускать безъ того, чтобы не вливать въ юныя сердца слова назиданія. Современная педагогика, въ ея лучшихъ представителяхъ, уже давно говоритъ о необходимости жизненнаго преподаванія уроковъ Закона Божія. И теперь, въ виду печальныхъ вѣяній нашего времени, руководителямъ дѣтей должно особенно заботиться о проведеніи въ жизнь подрастающаго поколѣнія библейскихъ уроковъ и началъ вѣры и нравственности...

И посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ „лукавы“ наши дни!

Если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, Петербургское земское собраніе недавно выбрало особую комиссію, которая на своемъ первомъ совѣщаніи 14-го Марта текущаго года, обсуждая вопросы начальнаго обученія въ связи съ постановкой у насъ въ Россіи педагогическаго дѣла, между прочимъ постановила возбудить ходатайство о предпочтеніи церковнымъ школамъ земскихъ при насажденіи новыхъ школъ²⁾. Очень понятно, почему такъ враждебна комиссіи Петербургскаго земства именно *церковная* школа, особенно если сопоставить это ходатайство съ другимъ постановленіемъ той же комиссіи, чтобы „къ учительскому персоналу не примѣнялось требованіе свидѣтельства о политической неблагонадежности“... Такія же приблизительно требованія выдвигаются и на порайонныхъ собраніяхъ московскихъ городскихъ учителей и учительницъ. Здѣсь тоже высказывается желаніе, чтобы учителя и учительницы сами „назначали преподавателей и преподавательницъ и чтобы послѣдніе были освобождены отъ всякаго контроля“³⁾. Понятно при этомъ, чего желаютъ достигнуть эти глашатаи безконтрольной свободы. Недавно московская дума, по предложенію людей, ревнующихъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи подрастающаго поколѣнія, сдѣлала распоряженіе объ отпускѣ учениковъ и ученицъ городскихъ началь-

ныхъ школъ для говѣнія на пятой недѣлѣ великаго поста. И вотъ здѣсь-то и вскрылись всѣ затаенныя намѣренія этихъ глашатаевъ произвола въ дѣлѣ обученія дѣтей. Какъ волки въ овечьей шкурѣ они, не отрицая прямо важности таинства покаянія, косвенно высказались положительно противъ него. Отъ разныхъ ухлѣбившихся попечителей и попечительницъ, учителей и учительницъ въ думу посылались заявленія о нежелательности говѣнія учениковъ на пятой недѣлѣ. А вотъ и главные резоны въ пользу этого: это распоряженіе думы, видите-ли, застало учащихся въ распλοхъ, такъ что они не имѣютъ достаточно времени, чтобы обдумать порядокъ говѣнія учениковъ... Далѣе, по мнѣнію разныхъ попечителей и попечительницъ и т. п. желто-красныхъ дѣльцовъ, въ этомъ распоряженіи чувствуется явно тенденціозное вторженіе, которое можетъ нанести ущербъ образовательнымъ задачамъ школы... Заговорили здѣсь эти хитрые лицемѣры и о томъ, что „святая Церковь—эта мудрая воспитательница (ахъ скажите, какъ это мило!) не устанавливала сроковъ для совершенія великихъ таинствъ покаянія и причащенія, предоставляя всякому свободу въ выборѣ для этого времени—въ зависимости отъ жизненныхъ условій, тѣлеснаго здоровья, душевнаго настроенія, и потому *принудительное говѣніе*, въ произвольномъ назначенное начальствомъ время, явится для учащихся принудительною повинностью 1)... Читаешь это легковѣсное заявленіе и воочію убѣждаешься, какъ очерствѣло сердце этихъ разныхъ господъ протестантовъ, какъ далеки они отъ пониманія задачъ „святой церкви—мудрой воспитательницы вѣрующихъ“, какъ не къ лицу имъ обязанности воспитателей дѣтей, которые должны бы быть вторыми родителями учащихся дѣтей. Ужъ и недосугъ-то имъ,—виляютъ они хвостомъ,—ужъ и образовательный-то цензъ учащихся понизится и мать-то Церковь Божія, точно во снѣ, припомнилась имъ, которая, какъ извѣстно, *всегда* призываетъ оставить все земное и искать *единого на потребу* и особенно въ дни скорби, которая такъ ощутительна теперь для вѣрующихъ сердецъ... Да знаютъ ли народныя развратители, эти господа протестанты, что для дѣтей нѣтъ выше на-

¹⁾ Слова Манифеста отъ 18 февраля 1905 г.

²⁾ См. Русское Слово, 1905 г. № 73, 17-го марта.

³⁾ Моск. Вѣд. 1905 г. № 76, 18 марта.

¹⁾ Русское Слово 1905 г. 29 марта № 85.

слажденія, какъ отдыхъ подъ сѣнію храма отъ сухихъ ариеметикъ и географій? Разумѣется, при этомъ нужно имѣть самому доброе дѣтское сердце и довѣріе къ дѣтямъ, нужно спуститься до нихъ, чтобы понять источники этого наслажденія... Вѣдь не всякій-то можетъ сунуться въ калачный рядъ... Впрочемъ, кому не ясно, что въ этомъ протестѣ противъ говѣнія скорбятъ не „недосугъ“, не „опущеніе уроковъ“, не „мать—святая православная Церковь“, а злоба противъ доброй христіанской „тенденціи“ которую хочется задать своею — задавить хотя бы и съ насиліемъ. Да, и съ насиліемъ, которое выражается пока въ томъ, что честныхъ тружениковъ силою заставляютъ протестовать противъ думскаго распоряженія, такъ что они взываютъ къ защитѣ и заступничеству ¹⁾... Вотъ каковы ревнители безконтрольной свободы въ дѣлѣ обученія дѣтей... Къ этому же лагерю примкнули даже и какіе-то недобрые отцы, которые недавно выступили съ открытымъ заявленіемъ объ изгнаніи изъ школъ патриотизма и религіозности. По мысли этихъ родителей знакомство русскихъ дѣтей (и это они смѣютъ говорить за всѣхъ дѣтей?) съ русской исторіей должно быть основательнымъ, чтобы они, вступая въ жизнь, имѣли истинныя познанія „обо всѣхъ отрицательныхъ (!) явленіяхъ нашей печальной (!) исторической жизни“, причѣмъ тенденціозная „патріотическая“ окраска событій не можетъ быть терпима ни въ учебникахъ, ни со стороны учителей. Они протестуютъ уже формально, на имя городской управы, завѣдующаго школами, противъ того, что законоучитель призываетъ дѣтей молиться за своего духовнаго отца, за попечительницу школы: онъ-де „не имѣетъ права заставлять дѣтей молиться за всѣхъ лицъ, которыхъ по своему усмотрѣнію признаетъ достойными дѣтской молитвы“. Они полагаютъ, что „законоучитель отнюдь не долженъ сообщать дѣтямъ о различіи лицъ въ постѣ, ибо этимъ онъ подрываетъ авторитетъ родителей въ глазахъ дѣтей, (вѣдь родители-то круглый годъ ѣдятъ мясо) и можетъ поселить съ ранняго возраста семейную рознь“ ²⁾... Не нужно по ихъ мнѣ-

нію слишкомъ расширять и законъ Божій. Такъ, напримѣръ, Вѣтхій завѣтъ, по нимъ, не долженъ совершенно преподаваться въ школахъ (рѣчь идетъ о средней школѣ), такъ какъ здѣсь много мѣсть совершенно непонятныхъ и родители не могутъ давать на задаваемые дѣтями вопросы отвѣты, что значительно будто-бы понижаетъ родительскій авторитетъ ¹⁾. Вотъ до чего договорились! Странная логика: сами родители не могутъ давать разъясненій по закону Божію—не нужно знать его и дѣтямъ... Да вѣдь съ этой точки зрѣнія можно отрицать и значеніе другихъ предметовъ въ школьномъ обученіи, потому что всегда найдутся родители, которые не съумѣютъ дать разъясненіе недоумѣнныхъ вопросовъ и не въ одной только области закона Божія... Удивительные, въ самомъ дѣлѣ, и странные до глупости резоны... И всѣ эти проекты и предположенія, въ которыхъ чувствуется вѣяніе новой педагогики, желающей воспитывать, а не обучать дѣтей, высказаны такъ недавно и такъ ясно и опредѣленно, что грустно становится за наши школы...

Но одна грусть не улучшить положенія дѣла. Побольше дѣла, побольше живой плодотворной дѣятельности. А вѣдь за честную религіозно-просвѣтительную дѣятельность говорить сама дѣтская душа, сама чистая ихъ настроенность, которая настойчиво рвется къ свѣту съ жаждой евангельской правды... Да и не одни только дѣти. За ними стоятъ миллионы православно-русскихъ родителей, которые съ грустью сѣтуютъ на то, что нѣкоторые наставники дѣтей въ угоду духу времени вмѣсто уроковъ ведутъ съ ними „развивающіе“ разговоры и общаются имъ всевозможные анекдоты. Вотъ и обращения этихъ „развивающихъ“ разговоровъ. Недавно къ одной матери приходитъ мальчикъ и говоритъ ей: „мама, правда ли, что образа и кресты, которые мы носимъ, это украшенія?“ Мать удивляется, а мальчикъ продолжаетъ: „нашъ Иванъ Ивановичъ—учитель сегодня объяснилъ, что серьги, кольца, браслеты, кресты, образа и т. п. служатъ только для украшенія“... Другой ученикъ со словъ учителя докладывалъ своему отцу, что Россія „страна некультурная, а Франція культурная, потому что тамъ „республика“ и

¹⁾ Моск. Вѣдом. 1905 № 88.

²⁾ См. объ этомъ писъма учащихъ во Моск. Вѣд. № 87, 29 марта.

¹⁾ „День“, 1905 г. 57 №, 17 марта.

Законъ Божій необязательный предметъ 1). Правда, это скорбныя явленія изъ жизни городской школы, это эксперименты надъ дѣтьми высшихъ классовъ общества... Но развѣ не то же самое продѣлывается и въ классахъ нашихъ сельскихъ школъ, гдѣ

разные нахватавшіеся верхушекъ учителя и учительницы забавляются ариеметикой, а на ряду съ ней и анекдотами?... Противопоставимъ же моднымъ вѣяніямъ живую религиозно-просвѣтительную дѣятельность. Станемъ бодро, на стражѣ невинныхъ душъ!..

1) Моск. Вѣд. 1905 г. № 84, 26 марта.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ОТЪ РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ

РУССКОЕ ДѢЛО.

Намъ возвращено право безцензурнаго издательства. Спѣшимъ развернуть наше старое знамя, возстановить нашу старую кафедру.

Въ переживаемые тяжелые дни военныхъ неудачъ и нравственныхъ испытаній, броженія умовъ и всеобщей растерянности—величайшая задача публициста: помочь разобратся въ хаосѣ общественной мысли и чувства, сказать трезвое и спокойное слово среди политическаго угара, попытаться согрѣть озлобленные сердца, поднять упавшій духъ и освѣтить путь къ разумному и достойному нашей великой Родины выходу.

„Русское Дѣло“ было и будетъ нашимъ личнымъ органомъ. У насъ нѣтъ ни партіи, ни длиннаго списка сотрудниковъ литературнаго цеха. Наши сотрудники всѣ тѣ, у кого терзается душа горемъ и болѣзнями Родины, кто умѣетъ думать и чувствовать по-русски и кому негдѣ высказать своихъ задушевныхъ мыслей, чуждыхъ и непонятныхъ нашимъ узкимъ литературнымъ кружкамъ.

Этимъ голосамъ были всегда широко открыты страницы нашихъ прежнихъ изданій, ихъ зовемъ мы и въ возобновляемое „Русское Дѣло“. И первое мѣсто великой Молчалиницѣ—русской Деревнѣ.

„Русское Дѣло“ будетъ выходить съ середины января въ Москвѣ *безъ предварительной цензуры*, еженедѣльно, съ ежедневными въ случаяхъ надобности прибавленіями. Болѣе обширныя работы, какъ и въ „Русскомъ Трудѣ“, будутъ разсылааться особыми приложеніями.

ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ ОТКРЫТА:

Съ доставкой и пересылкой: За годъ 8 р., за $\frac{1}{2}$ года 4 р., за $\frac{1}{4}$ года 2 р.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Редакціи, Скатертный пер., д. Муромцева. Въ С.-Петербургѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Саратовѣ въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина) и въ главн. книжн. торговляхъ друг. городовъ.

Редакторъ-издатель *Сергій Шарановъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ ГАЗЕТУ

„ДЕНЬ“.

Газета „ДЕНЬ“ будетъ представлять собой наиболѣе полную, обо всемъ освѣдомленную, серьезную, дешевую ежедневную газету, предназначенную главнымъ образомъ для провинціальныхъ читателей.

Значеніе для всей Россіи и центральное мѣстоположеніе Москвы наиболѣе соотвѣтствуютъ цѣлесообразности именно такой газеты. **Московская газета получается**

въ провинціи на цѣлыя сутки ранѣе петербургскихъ. О важности такого преимущества излишне говорить.

Газета „ДЕНЬ“ будетъ выходить ежедневно. Не исключая и дней послѣпраздничныхъ, въ годъ свыше 360 №№.

Кромѣ ежедневной газеты, подписчики будутъ получать еженедѣльно
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ.

Составъ сотрудниковъ въ газетѣ „ДЕНЬ“, какъ и въ журналѣ „Родная Рѣчь“, будетъ исключительно изъ русскихъ писателей и публицистовъ, въ настоящее время уже изъявившихъ согласіе. При давнишнихъ и прочныхъ литературныхъ отношеніяхъ редактора Ф. Н. Берга, къ этому представляется широкая возможность. **Постояннымъ и специальнымъ нашимъ корреспондентомъ на театрѣ военныхъ дѣйствій будетъ состоящій при штабѣ Главнокомандующаго манчжурской арміи, дѣйств. ст. сов. докт. Н. М. Гвоздановичъ.** Заграничные корреспонденты есть во всѣхъ европейскихъ столицахъ.

„ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ ДЕНЬ“

съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой во всѣ города и мѣстности Россіи НА ГОДЪ съ 1-го января **4** рубля, на $\frac{1}{2}$ года **2** рубля, на три мѣсяца **1** рубль.

Подписку просимъ адресовать въ контору газеты „ДЕНЬ“, Москва, Большая Дмитровка, домъ Михайлова.

Вышла новая книжка

„ТРОИЦКАЯ ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА.“ КН. 2-Я.

НА БОЖЬЕМЪ ПУТИ.

Сборникъ разсказовъ и стихотвореній изъ жизни народнаго учителя

С. Козубовскаго.

Цѣна 45 коп. съ перес. 60 коп.

Можно получать изъ редакціи Троицкихъ Листковъ.

Вышла новая книжка

ТРОИЦКІЙ ЦВѢТОКЪ № 47.

ЧТО НАМЪ

НУЖНАѢ ВСЕГО.

Беседа Троицкаго инока Епископа Нікона.

Цѣна 10 к. съ перес. 15 к.

Можно получать изъ редакціи Троицкихъ Листковъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Жизнь по вѣрѣ, какъ цель воспитанія. (Къ вопросу о жизненности преподаванія въ школѣ уроковъ вѣры и нравственности). *Димитрія Введенскаго.*—Русскіе классики, какъ воспитательный матеріалъ для школьнаго и народнаго чтенія. *С. Козубовскаго.*—Изъ учительскихъ дневниковъ. Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учит. Е. Куликова.*—Малыши. Сценка. *С. Козубовскаго.*—У святыхъ Ростова Великаго. (Изъ досуговъ наблюдателя). *Стих. Свящ. А. Державина.*—Посѣвы и всходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).—Нашъ дневникъ.—Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 29-я (восемь статей).

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Визанія. Апрѣля 12 дня, 1905 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Бѣляевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

За перемѣну адреса 25 коп.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; выходитъ ежемѣсячно.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.